

Деревянное храмостроительство нижнего Поонежья XIX – начала XX века

А.Б.Бодэ, НИИТИАГ, Москва

Е.В.Ходаковский, СПбГУ, Санкт-Петербург

Деревянное церковное зодчество XIX – начала XX века представляет собой малоизученную часть российского архитектурного наследия, в советское время совершенно забытую. Храмовое строительство исследуется на примере объектов в районе нижнего течения реки Онеги. Исследование основано на архивных источниках, выявленных в Государственном архиве Архангельской области, и материалах натурных обследований объектов. В научный оборот вводится значительный объём исторических документов и проектов, раскрывающий специфику процесса подготовки и строительства деревянных храмов в провинции. Анализируются стилистические изменения, происходившие в течение рассматриваемого периода: от эклектики до преобладания русских мотивов. Внимание заостряется на использовании образцовых проектов и их интерпретациях. Образцовые проекты упрощались, что было характерно для всех отдалённых провинций страны. Строительство, производившееся крестьянскими артелями, ещё более отдаляло результат от проекта и вносило в постройку дух народного зодчества.

В работе рассмотрены объекты, характеризующие основные тенденции и особенности деревянного церковного строительства исследуемого периода. Ильинская церковь в селе Большой Бор, построенная почти точно по образцовому проекту, была достроена для удобства и улучшения общего вида. Троицкая церковь в деревне Мондино достаточно смело интерпретирует решения, взятые из образцовых проектов, и вместе с тем наследует формы предшествующих утраченных церквей. В архитектуре Ильинской церкви в деревне Каменное явно присутствуют влияния русского стиля. Церковь в деревне Канзапельда являет пример перестройки часовни в церковь, что нередко делалось в целях экономии строительных ресурсов.

В деревянном церковном строительстве XIX века, несмотря на стилистические изменения, отчётливо присутствует преемственность с развитием архитектуры предыдущих веков. Соединение нового и традиционного, стилизованного и народного составляет специфику деревянной церковной архитектуры на заключительном этапе её развития¹.

Ключевые слова: деревянная архитектура, образцовые проекты, нижняя Онега.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00356 «Архитектура деревянных храмов Онежского Поморья XVII–XIX веков. Типология, эволюция, региональные традиции».

Wooden Temple Construction of the Lower Poonezhye of the XIX – Early XX Century

A.B.Bode, NIITIAG, Moscow

E.V.Khodakovsky, SPbU, St. Petersburg

Wooden Church architecture of the XIX – early XX century is a little-studied part of the Russian architectural heritage, completely forgotten in Soviet times. Temple construction is studied on the example of objects in the area of the lower reaches of the Onega River. The research is based on archival sources identified in the state archive of the Arkhangelsk region, and materials from field surveys of objects. A significant volume of historical documents and projects is introduced into scientific circulation, revealing the specifics of the process of preparing and building wooden churches in the province. The article analyzes stylistic changes that occurred during the period under review – from eclecticism to the predominance of Russian motifs. Attention is focused on the use of model projects and their interpretations. Model projects were simplified, which was typical for all remote provinces of the country. The construction, carried out by peasant artels, further removed the result from the project and introduced the spirit of folk architecture into the building.

The paper considers objects that clearly characterize the main trends and features of wooden Church construction of the studied period. Elijah's Church in the village of Bolshoy Bor, built almost exactly according to the model project, was completed for convenience and improvement of the overall appearance. Trinity Church in the village of Mondino quite boldly interprets the solutions taken from their model projects, and at the same time inherits the forms of previously lost churches. The architecture of the late Elijah Church in the village of Kamennoe clearly has Russian style influences. The Church in the village of Kanzapelda is an example of the conversion of a chapel into a Church, which was often done in order to save construction resources.

In the wooden Church construction of the XIX century, despite the stylistic changes, there is clearly a continuity with the development of the architecture of previous centuries. The combination of new and traditional, stylistic, and folk forms the specifics of wooden Church architecture at the final stage of its development.

Keywords: wooden architecture, model projects, lower Onega.

Среди богатейшего архитектурного разнообразия Русского Севера памятники деревянного церковного зодчества Поонежья занимают особое место. Исторически река Онега использовалась в качестве удобного водного пути,

соединяющего обширные пространства между северными Белозёрскими землями и Белым морем и играющего стратегически важную роль в освоении этих территорий. Ещё в 1137 году по Уставной грамоте князя Святослава Ольговича поселение на Онеге – предположительно Порожский погост в Нижнем Поонежье – было обязано платить дань в новгородскую епископскую казну в размере «половины от сорока»: «у Порогопустыць польсорочка» [1, с. 117]. Хотя по сравнению с поселениями Пинега, Тойма, Вель, Вага и Емца, которые должны были вносить по одному, два или даже три «сорочка», поселение в устье Онеги в начале XII века, видимо, ещё не достигло их уровня благосостояния, тем не менее важен сам факт его упоминания среди владений «дома Святой Софии». Позднее, при расширении торговли солью и после дарования Каргополю – главному городу в Поонежье – в 1536 году уставной грамоты роль Онеги как важной торговой магистрали усиливается. Платёжная книга Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова 1555–1556 годов перечисляет церкви в Бережной Дуброве, Усть-Моше, «на Пабереже погост» и других волостях [2, с. 144, 177, 210], что свидетельствует о сложившейся к тому времени в Поонежье церковно-приходской инфраструктуре в границах обширного Каргопольского уезда, простиравшегося в XVI – начале XVIII века от озера Лаче на юге до Поморья.

Внутри своих административных границ Каргопольский уезд «по переписной книге 1648 г. делился на два стана: Каргопольский – южный, тяготевавший к городу Каргополю, расположенному у выхода Онеги из оз. Лаче, и Турчасовский, северный, тяготевавший к посаду Турчасову... простиравшийся до берега Онежской губы. В челобитных местных жителей эти части носят названия “полуземель”... Наклонность к распадению уезда на две части, замечаемая в XVII в., отражалась и на системе приказной администрации: в 20-х годах XVII в. назначались в Каргополь и в Турчасово отдельные воеводы. В 40-х годах всем уездом правит один воевода, но под прикрытием приказного единства в самом населении... идёт рознь между обеими “полуземлями”» [3, с. 14–15]. Вероятнее всего, административное разделение было обусловлено самой природной спецификой: на Онеге (почти полпути между Каргополем и Белым морем) среди глухих таёжных лесов, находятся труднопроходимые Бирючевские пороги, условно разделяющие реку на верхнее и нижнее её течение. Тем самым, природный и административный факторы способствовали выделению Нижнего Поонежья как особого историко-культурного ареала.

Если о раннем периоде сложения архитектурной традиции этого региона можно было судить исключительно по данным письменных источников, то уже к XVII–XVIII векам относятся известные памятники церковного зодчества Нижнего Поонежья. Многие из них были введены в научный оборот и неоднократно опубликованы, благодаря стараниям В.В. Сулова [4; 5], И.Э. Грабаря [6], П.Н. Максимова, С.Я. Забелло и В.Н. Иванова [7], а также одного из авторов данной статьи [8]. Что касается развития церковной архитектуры XIX – начала XX века, то она так и осталась неизученной, главным образом, из-за сложив-

шегося в советское время пренебрежительного отношения к этому периоду истории деревянного зодчества Севера и отечественной архитектуры в целом. Однако в Нижнем Поонежье зачастую именно поздние храмовые сооружения по-прежнему способствуют сохранению высотных и композиционных доминант, зрительных связей и, как следствие, целостного характера исторической среды многих сёл и деревень. Таким образом, в задачу статьи входит рассмотрение и введение в научный оборот ряда памятников церковного зодчества Нижнего Поонежья XIX – начала XX века как своеобразного «архитектурного заповедника» и раскрытия на их примере особенностей приходского строительства на Русском Севере в поздний период.

В течение первой трети XIX столетия во всей Российской Империи специальным указом Павла I от 25 декабря 1800 года возведение деревянных церквей было запрещено из-за потенциальной опасности возникновения пожаров. Это ограничение прервало давнюю традицию северного деревянного храмоустройства, символическим завершением которой можно воспринимать величественный ансамбль в Турчасове (1783–1795) – один из наиболее масштабных в Нижнем Поонежье. Но и после официальной отмены действия указа Павла I в 1835 году возобновление строительства на Севере произошло не сразу, и вплоть до 1850-х годов статистика работ, проводившихся в Нижнем Поонежье, связана в основном с поновлением старых храмов. Одновременно становилось всё более очевидным, что значительные расстояния между имевшимися на то время храмами и отсутствие дорог были серьёзными проблемами в сфере организации церковной жизни и поддержания должного уровня духовного просвещения. Предоставленные сами себе крестьяне зачастую исповедовали так называемое «народное православие» или оказывались подвержены старообрядческим учениям. По отчёту архангельского губернатора ещё за 1846 год, «причину существования раскола в настоящее время в Архангельской губернии не столько ложные догматы веры понятия, на коих основаны расколы, как недостаток церквей и приходских священников... Отдалённость многих селений от церквей на сто и более вёрст и затруднительность переездов поставляет в невозможность даже тех жителей сих уездов, кои держатся Православия, исполнять обряды веры, так как для сего должны они отлучаться от своих домов на несколько недель. Умножение приходских церквей и числа священников в сих селениях было бы самым действительным средством для прекращения раскола и утверждению Православия, отвратив вместе с тем представляющуюся ныне необходимость прибегать в делах религии к мерам полицейским»².

Епископ Архангельский и Холмогорский Варлаам к своему доношению в Синод от 11 сентября 1847 года приложил «ведомость приходов, в которых нужно увеличить число причтов и церквей»³, где в табличной форме представлены списки приходов, число душ, расстояния от деревень до приходских церквей. Доводы приводились самые убедительные – «про-

² РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 636. Об умножении числа церквей в Архангельской губернии. 1847–1850. Л. 5 об. – 6.

странство Архангельской Губернии в объёме своём превышает таковые же пространства не только малолюдных королевств Европы, каждого в раздельности, но и многолюднейшие из оных, каково есть Королевство Французское. И в сей-то можно сказать необъятно великой по растяжённости своей Губернии самостоятельных приходов оставлено менее 230-ти»⁴. В своём рапорте епископ Варлаам ходатайствует об открытии «новых приходов в отдалённых селениях и частию возобновить закрытые прежде церкви, как совершенно отдалённые от настоящих приходов с назначением в оные причтов»⁵.

Масштабность задачи никак не могла способствовать скорому решению этого замысла даже при её очевидной целесообразности. 10 октября 1853 года в Синоде вторично слушали представление епископа Варлаама «о необходимости устроить в разных местах архангельской епархии двадцать пять деревянных церквей, для доставления вдали от существующих церквей прихожанам удобства к благовременному исполнению обязанностей веры, причём представляет составленные Архангельской Палатою Государственных Имуществ нормальной проект для означенных церквей и смету расходам, необходимых для построения оных»⁶. Через месяц, 10 ноября 1853 года, Синод определил «в тех двадцати пяти приходах... разрешить построение церквей по приложенным к той ведомости проекту и смете, предписав Преосвященному (с возвращением сих последних) сделать все нужные распоряжения так, чтобы в продолжение наступающей зимы заготовлены были материалы для означенных церквей, с наступлением весны можно было приступить и к самому построению»⁷. К постановлению Синода от 10 ноября 1853 года прилагался «Проект временной деревянной часовни» (хотя здесь, судя по наличию в плане алтаря с престолом, имелась в виду именно церковь) за подписью архитектора Кудинова⁸. Надо отметить, что этот проект очень похож на проект № 50 из Атласа 1842 года [9].

Церковь св. Илии Пророка в деревне Большой Бор (1855) Чекуевского прихода Онежского уезда (рис. 1) стала одной из первых, возведённых в рамках этой синодальной программы,

Рис. 1. Церковь св. Илии Пророка в селе Большой Бор. 1855 год. Фото Е.В. Ходаковского. 2018 год

по которой к лету 1856 года было построено восемь церквей в разных уездах обширной Архангельской губернии, а 13 ещё находились в процессе строительства⁹. Почти вся программа была завершена к лету 1860 года, когда были возведены 23 из 25 храмов.

Вполне объяснимо, что при таких масштабах архитектурное решение церквей должно было быть предельно лаконичным. В 1857 году епископ Антоний жаловался, что «церкви по своему плану и фасаду очень просты; почти ничем не отличаются от обыкновенных строений и вовсе не похожи на те церкви, какие крестьяне привыкли видеть у себя и в других местах России, оттого они очень с невыгодной стороны об них отзываются, называя их амбарами, сельскими расправами, магазаями и т.п.»¹⁰. Аналогичные отзывы звучали и позднее, в начале XX века. Например, в Мезенском уезде жители деревни Петрогорской, где также была воздвигнут храм по этому проекту, писали, что его перестройка «желательна и необходима, ибо означенная церковь, имея в своём основании прямоугольник и будучи крыта на два ската, по внешнему своему виду своему мало напоминает таковую»¹¹. Поэтому для придания разнообразия подобным храмам епископ Антоний ходатайствовал о разрешении жителям, «если пожелают, пристраивать за свой счёт к передней стене церкви пятистенный или даже трёхстенный алтарь, несколько ниже самой церкви, а со входу над крыльцом и колокольню»¹². Церковь св. Ильи Пророка в Большом Бору Чекуевского прихода (1855) и церковь Вознесения в деревне Березник на берегу Пинеги (1862) как раз и свидетельствуют о подобных вариациях проекта архитектора Кудинова для двадцати пяти приходов. В обоих случаях храмы были поставлены возле более древних часовен, продолжая и развивая установившуюся местную традицию совершения молебствий именно в этих местах. В Большом Бору к церкви с восточной стороны прирублен пятигранный алтарь, в Березнике, наоборот, с западной стороны устроен притвор и колокольня, что в точности соответствует предложениям епископа Антония.

Очевидно, что при постепенном возобновлении храмо-строительства в середине XIX века вполне естественным

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 636. Об умножении числа церквей в Архангельской губернии. 1847–1850. Л. 13–15 об.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 77–77 об.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. II. Ст. 2. Д. 109. О постройке простейших деревянных церквей. 1853–1860 гг. Л. 1–1 об.

⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 51/1124. Дело о строительстве церквей в населённых пунктах Олонецкой епархии, удалённых на значительное расстояние от приходских церквей. 1853–1859 гг. Л. 1–1 об.

⁸ Там же. Л. 5а об. – 5б.

⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. II. Ст. 2. Д. 109. О постройке простейших деревянных церквей. 1853–1860 гг. Л. 63–63 об.

¹⁰ Там же Л. 71.

¹¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 2285. О перестройке Покровской церкви в д. Петрогорской Жердского прихода Мезенского уезда. 1900–1915 гг. Л. 1 об.

¹² РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. II. Ст. 2. Д. 109. О постройке простейших деревянных церквей. 1853–1860 гг. Л. 72.

будет обращение и к традиционным и устойчивым для этого региона формам завершений – своеобразным, «локальным маркерам». Церкви с кубоватым завершением были характерны для всего Поонежья ещё со второй половины XVII века. Традиция возведения кубоватых церквей не угасала и в XIX веке. В 1801 году было завершено строительство Никольской церкви в селе Надпорожье, располагавшемся недалеко от Каргополя, ниже по течению Онеги. Это было очень крупное сооружение, по архитектуре напоминающее церкви в Подпорожье и Турчасове, но с некоторым упрощением форм. Таким образом, к началу XIX века бытование кубоватых завершений в церковном зодчестве Онежского и Каргопольского уездов насчитывало уже почти полтора столетия.

В 1850-е годы обращение к традициям деревянного храмового строительства было вызвано значительным количеством ещё существовавших тогда старинных построек и вытекавшим отсюда естественным желанием крестьян после пожара воссоздать утраченный храм в его прежнем, привычном виде. Так произошло в Польском приходе, где 10 января 1851 года сгорела перевезённая несколькими годами ранее из соседней Сырьинской деревни церковь во имя Богоявления Господня. В марте того же года прихожане обратились к епископу Варлааму с просьбой благословить постройку нового небольшого храма¹³. Изыскания Т.С. Ковалевской по истории Богоявленской церкви в Поле подтверждают данные натурного обследования, согласно которым трапезная, закрытая колокольней и переходом, изначально была самостоятельным и самодостаточным архитектурным объёмом с каркасным односклонным крыльцом: первоначально прихожане испрашивали разрешение на постройку молитвенного дома, который при возведении церкви может быть пристроен к ней в качестве трапезной или паперти. «В сентябре 1851 г. разрешение было получено, и прихожане немедленно приступили к сооружению молитвенного дома, в правом углу ко-

¹³ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 344. О построении в Польском приходе вместо погоревшей новой деревянной церкви во имя Богоявления Господня. Л. 1

Рис. 2. Церковь во имя Богоявления Господня в деревне Поле. 1852–1853 годы. Фото А.Б. Бодэ. 2019 год

торого был устроен алтарь и утверждён престол, освящённый в честь св. Климента, Папы Римского 27 мая 1852 г. В марте 1853 г. с крестьянином Семёном Манзыревым был заключён контракт на постройку новой церкви; основные работы были окончены уже спустя два месяца. К этому моменту бывший молитвенный дом с Климентовским приделом был пристроен к храму в качестве тёплой трапезной» [10, с. 214–215].

Богоявленская церковь в Поле (рис. 2) важна для истории деревянной архитектуры Нижнего Поонежья XIX века не только как свидетельство живучести традиции возведения храмов с кубоватым верхом, но и как пример сохранения с древнерусской эпохи особой роли трапезных «со свободной связью», о которых писал Н.Н. Уткин [11; 12]. В соседнем Вазенгском приходе в том же 1853 году была поставлена кубоватая Воскресенская церковь, известная в том числе благодаря реконструкции ансамбля Ю.С. Ушаковым [13]. И если в Богоявленской церкви в Поле куб представлял собой характерный объём с ярко выраженной «пучиной», то в Вазенцах его абрис меняется, становясь более уплощённым. Эта же тенденция продолжилась в архитектуре Никольской церкви в Сырье (1867–1875) (рис. 3). Заключительным аккордом в истории церкви Поонежья и Беломорья с кубоватым завершением стала Преображенская церковь в Нименьге (1878–1881).

Во второй половине XIX столетия ситуация в Архангельской губернии претерпела существенные изменения, что способствовало увеличению количества вновь построенных храмов. В 1857 году была утверждена вторая редакция Строительного устава. В ходе реформ эпохи Александра II окончательно сформировалась бюрократическая система, заложенная ещё в начале царствования Николая I. Она регламентировала, среди прочего, и сложный порядок взаимодействия между всеми участниками строительного процесса – прихожанами, в подавляющем большинстве случаев выступавшими инициаторами строительства, духовными консисториями, куда поступали соответствующие прошения, и губернским правлением, в ведении которого с 1864 года находилось строительное отделение и где составлялись проекты и сметы.

Рис. 3. Никольская церковь в деревне Сырья. 1867–1875 годы. Фото А.Б. Бодэ. 2018 год

В качестве характерных примеров того, как было организовано строительство в Нижнем Поонежье в конце XIX – начале XX века, можно привести церкви Мондинского прихода – Св. Троицы (1877–1888), ставшую главным приходским храмом в самом Мондино, и приписную – во имя Св. Илии Пророка в деревне Каменное, расположенную ниже по течению Онеги.

Троицкая церковь является одной из наиболее значительных по размерам среди храмов, возведённых во второй половине XIX столетия не только в Онежском уезде, но и на всем Русском Севере (рис. 4). Её строительная история начинается 24 октября 1876 года после пожара, когда сгорели храмы конца XVIII века. По описи 1834 года в приходе ранее были «две церкви деревянные. Первая во имя Живоначальной Троицы, холодная на каменном фундаменте, построена 1798го года крестьянским иждивением, в высоту 23 сажени, на ней девять глав чешуйчатых крыта досками... Вторая церковь во имя Введения Пресвятыя Богородицы, деревянная, тёплая, на каменном фундаменте, построена 1790го года крестьянским иждивением, в высоту 18ть сажен до глав, на ней пять глав и шестая на олтаре, чешуйчатые, крыта досками, при ней есть трапеза и паперть, в трапезе два столба... Колокольня деревянная, до звонов 57ми рядов»¹⁴.

После пожара перед крестьянами Мондинского прихода остро встал вопрос о сооружении нового храма вместо двух утраченных¹⁵. К следующей зиме крестьяне перенесли в Мондино из соседней деревни часовню и преобразовали её в церковь, которая и была освящена 12 ноября 1877 года в честь Благовещения¹⁶. Однако это сооружение, внутри которого были устроены престол и иконостас (даже без обычной пристройки алтаря), могло использоваться только как временная церковь. Поэтому одновременно шла работа над проектом нового храма. Прихожане намеревались «1. Вместо сгоревших двух деревянных церквей и колокольни... выстроить одну новую деревянную церковь с таковою же над папертью колокольней, на том же самом гористом месте, как более удобном и приличном, где грунт земли песчаный и крепок... 2. В церкви предполагается устроить один престол

Рис. 4. Троицкая церковь в селе Мондино. 1877–1888 годы. Фото Е.В. Ходаковского. 2019 год

во имя Живоначальной Троицы, а в трапезе тёплой два – на южной стороне – во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы; а на северной – во имя Рождества Иоанна Предтечи»¹⁷.

Проект Троицкой церкви в Мондино и пояснительную записку к нему составлял отставной старший мерщик А. Копеин¹⁸. Проект был проверен младшим архитектором А. Черлицким и уже 29 ноября 1877 года возвращён в Архангельское губернское правление¹⁹.

Возведение нового храма заняло несколько лет. По «репорту» благочинного к 1 октября 1879 года «стены церкви на каменном фундаменте с осьмериком, равно и колокольня до звона, выведены в высоту до бти саж., при оной олтарь и трапеза с 2мя приделами возведены до крыши 3 саж., внутри полы и потолки настланы чёрные, и все здание закрыто сосновыми досками в один раз»²⁰. Уже к декабрю 1880 года благочинный докладывал, что в Мондинском приходе «вместо сгоревших церквей согласно плану и фасаду устроена вновь деревянная 3х-престольная церковь и утверждена на каменном фундаменте, всё здание закрыто прочно и крыша выкрашена приличными красками»²¹. Отделочные работы в холодной церкви продолжались в течение лета 1881 года, что было засвидетельствовано актом от 14 октября – «вся постройка церкви произведена прочно и в лучшем виде»²². Первым 11 декабря 1881 года был освящён южный придел во имя Рождества св. Иоанна Предтечи, 15 января 1885 года – северный Введенский придел²³. И только 22 февраля 1888 года состоялось освящение главного престола во имя Св. Троицы [14, с. 57].

Новый храм в Мондино (рис. 5), кроме того, что включил престолы предшествующих церквей, в определённой мере воспроизвёл и их архитектуру. С одной стороны, проектировщик явно ориентировался на образцовые проекты того времени. Форма приземистого шатра с острыми фронтонами у основания на осьмерике восходит к проектам деревянных церквей (тип I, II), представленным в альбоме К.А. Тона 1844 года [15]. Общая композиция плана имеет много общего с проектами деревянных церквей XIII, XX и XXIV из Атласа проектов 1858 года [16]. С другой стороны, нельзя не заметить и преемственность с архитектурой утраченных храмов. Троицкая

¹⁴ ГААО. Ф. 464. Оп. 2. Д. 47. Опись имущества и церквей Мондинского прихода. 1834 г. Л. 2–3.

¹⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 641. О разрешении выстроить церковь в Мондинском приходе Онежского уезда и освятить во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. 1877 г. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 7–7 об.

¹⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 656. О постройке новой церкви в Мондинском приходе Онежского уезда вместо сгоревшей. 1877–1885 гг. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 8–11об.

¹⁹ ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 764. Дело о рассмотрении проекта и сметы на постройку новой деревянной церкви в Мондинском приходе Онежского уезда. 1877 г. Л. 3.

²⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 656. О постройке новой церкви в Мондинском приходе Онежского уезда вместо сгоревшей. 1877–1885 гг. Л. 18.

²¹ Там же. Л. 20.

²² Там же. Л. 30–30 об.

²³ Там же. Л. 33, 37.

шатровая церковь, высотой 23 сажени (49 м), несомненно относилась к крещатому в плане типу, примерами которого являются расположенные сравнительно недалеко Вознесенская церковь (1654) в Пияле, Ильинская церковь (1786) в Вазенцах. На нижней Онеге имеется ещё ряд холодных крещатых в плане храмов, но не с шатровым, а с кубоватым завершением. Это Владимирская церковь (1757) в Подпорожье, Преображенская церковь (1786) в Турчасове и другие. Троицкая церковь (1798) в Мондино, судя по описанию, была, пожалуй, самой грандиозной по масштабу постройкой своего типа. В новой Троицкой церкви в структуре плана отчётливо прослеживается крещатое основание. Кроме того, трапезная с двумя приделами, расположенными симметрично по восточным углам, тоже очевидно соответствует местным онежским традициям. Так располагали приделы в особенно больших отапливаемых трапезных у Благовещенской церкви (1795) в Турчасово. Все это свидетельствует о том, что строители Троицкой церкви отчётливо следовали местным строительным традициям и что Мондино было очень крупным и значительным поселением, если в нём строились такие большие храмы.

Незадолго до начала Первой мировой войны в Мондинском приходе возникла необходимость в возведении в деревне Каменное ещё одной церкви, статус которой подразумевал небольшую по своим размерам постройку. Несмотря на то, что в храмостроительстве начала XX века широко использовались образцовые проекты, храм св. Ильи Пророка в Каменном заметно выделяется из череды однотипных малых приписных церквей (рис. 6). Его строительная история начинается 19 ноября 1910 года, когда в губернское правление из Архангельской духовной консистории поступило прошение о производстве стандартной процедуры освидетельствования места в связи с предполагаемой постройкой церкви Св. Пророка Божия Ильи в деревне Каменской Мондинского прихода²⁴. Проект был утверждён протоколом строительного отделения 21 января 1911 года²⁵, а уже 19 июня была совершена закладка²⁶. Работы шли в сезоны 1911–1913 годов. На 31 июля 1912 года, по доношению благочинного о. Александра Попова, «стены новой деревянной Ильинской церкви в Каменской деревне Мондинского прихода срублены; не окончена только рубка колокольни; алтарь уже приготовлен для покрытия железом»²⁷. «На 25 мая 1913 г. приступлено к работам по внутреннему устройству церкви, и в конце января 1914 г. оставались только работы по золочению иконостаса»²⁸. 2 мая 1914 года был составлен акт освидетельствования новой церкви²⁹.

²⁴ ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 3214. Дело об отводе места под постройку церкви в деревне Каменевской Мондинского прихода Онежского уезда. 1910–1911 гг. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1952. О постройке церкви в д. Каменевской Мондинского прихода Онежского уезда. 1910–1914 гг. Л. 19.

²⁷ Там же. Л. 26.

²⁸ Там же. Л. 32–33.

²⁹ Там же. Л. 36–36 об.

Внутри колокольни на северной стене сохранилась надпись: «Основана церк. 1911 г. июл. 20. Освящ. 1914 г. июн. 6 дн.».

Ильинский храм в Каменном в своих основных формах достаточно обычен. К основному четверику примыкает прямоугольный алтарь, трапезная и притвор с колокольней (рис. 7). На четверике поставлен небольшой восьмерик, грани которого имеют треугольное завершение и оформлены в виде глухих «готических окон». Невысокий шатёр над церковью соотнесён с более высоким шатром колокольни, служившей очередным прибрежным ориентиром, просматривавшимся с середины реки. Оформление фасадов отличается сочетанием свободной от обшивки бревенчатой поверхности стен и обилием сквозной резьбы, декорирующей колокольню и подзоры трапезной, центрального сруба и алтаря. Это отражает стилистические предпочтения рубежа XIX–XX веков. Показательно и то, что в альбоме образцовых проектов 1899 года наряду с повторяющимися более ранними проектами присутствуют решения, выполненные в русском стиле. Именно такой характер имеет архитектура Ильинской церкви. Постройка в Каменном демонстрирует, что при творческом подходе к стандартным задачам возведения приписных храмов оставалось много возможностей для сооружения постройки, не лишённой индивидуального характера и архитектурного своеобразия.

Помимо собственно архитектурных достоинств, Ильинская церковь в Каменном, построенная накануне революции, ис-

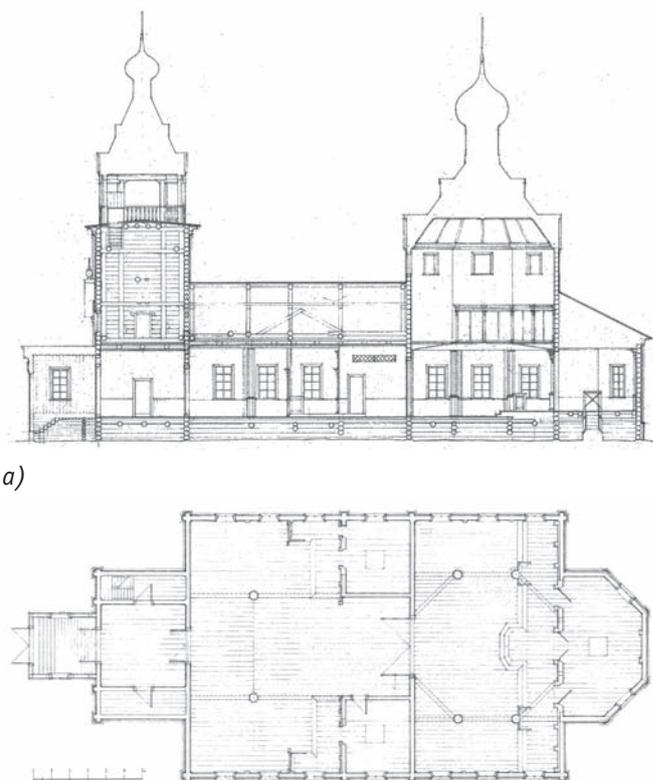

Рис. 5. Троицкая церковь в Мондино: а) разрез; б) план. Обмерные чертежи А.А. Ермаковой

пользовавшаяся не так долго и поэтому почти не подвергшаяся износу, интересна и тем, что на протяжении всего бурного и драматичного XX столетия она сохранила в себе множество деталей внутреннего убранства – иконостас, клиросы, печи, оконные переплёты с характерным узором расстекловки, граффити, плотничьи знаки, ковку, церковную утварь, священническое облачение и даже вешалки для верхней одежды прихожан, что позволяет глубоко погрузиться в повседневность церковной жизни дореволюционной России.

Рис. 6. Церковь св. Ильи Пророка в деревне Каменное. 1911–1914 годы. Фото Е.В. Ходаковского. 2019 год

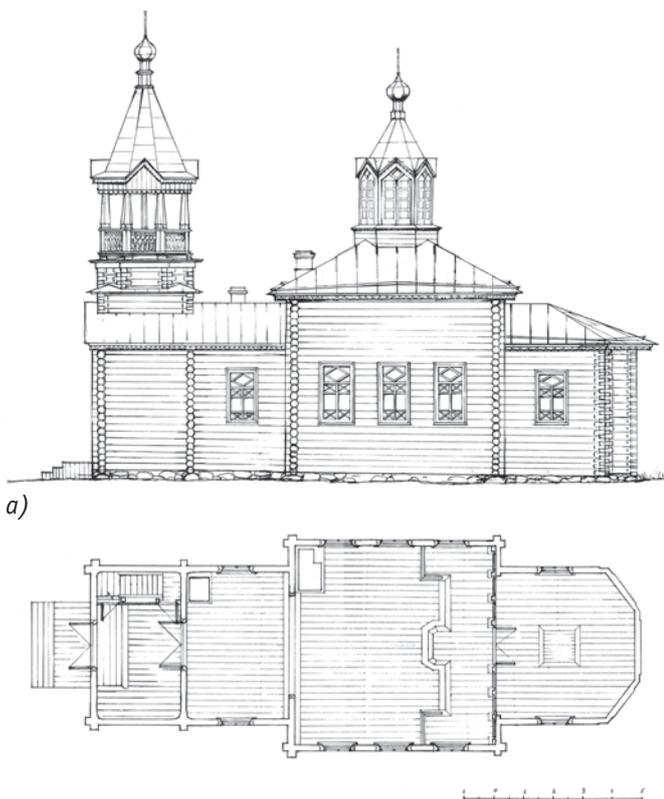

Рис. 7. Церковь св. Ильи Пророка в деревне Каменное. 1911–1914 годы: а) южный фасад; б) план. Обмерные чертежи С.В. Петровой

Возведение новой отдельной постройки для приписной церкви, которая не имела отдельного штатного причта и не всегда предполагала еженедельные богослужения, во многих случаях для прихожан было делом весьма дорогостоящим. Именно по этой причине приписные церкви зачастую устраивались из прежних часовен, как правило, представлявших собой прямоугольные клетки с той или иной формой завершения, но не имевших алтаря. Часовни ставились «от давних времён» в честь каких-либо памятных событий или во имя особо почитаемых в приходе святых, а намоленные места, где стояли часовни, прочно утверждались в памяти поколений. По этой причине переделка часовен в церкви через пристройку к восточной стене алтаря, объясняется не только прагматическими причинами, но и связана с самой спецификой исторической памяти.

В Нижнем Поонежье в качестве примера проведения таких работ можно привести историю часовни свв. Кирика и Улиты в деревне Давыдовская (Канзапельда), ставшей приписной церковью Прилуцкого прихода (рис. 8). 13 октября 1844 года Архангельская духовная консистория препроводила в губернскую строительную комиссию «чертёж плана с фасадом на возведение новой приписной церкви во имя Святых мученик Кирика и Улиты Онегского уезда Прилуцкого прихода в деревне Давыдовской на место обветшавшей часовни»³⁰. Однако чертёж комиссия нашла «сделанным без всякой правильности, неблаговидно и начерченным небрежно... не сделано продольного и поперечного разрезов и на самом фасаде не означен цоколь так, что нельзя знать, на каком основании должна быть церковь, масштаб сделан неверно»³¹. На это крестьяне ответили следующее: «по неимению в нашем месте Архитектора для составления плана покорнейше просим строительную комиссию применяясь к этому чертежу составить на постройку вышеозначенной церкви согласно правилам надлежащий план»³².

³⁰ ГААО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 241. О рассмотрении плана с фасадом на постройку церкви Онегского уезда Прилуцкого прихода в деревне Давыдовской. 1844–1845 гг. Л. 1–1 об.

³¹ Там же. Л. 2.

³² Там же. Л. 4–4 об.

Рис. 8. Церковь свв. Кирика и Улиты в деревне Давыдовская (Канзапельда). 1844 год. Фото Е.В. Ходаковского. 2019 год

Комиссия пошла навстречу и 26 апреля 1845 года постановила: «по уважению объясняемой необходимости составить на постройку означенной церкви надлежащий проектный чертёж чрез находящегося в Комиссии чертёжника под руководством г.г. членов по искусственной части... истребовать с них за издержки на составление этого чертежа один рубль пятьдесят копеек серебром, которые и выдать под расписку состоящего при Комиссии чертёжника 2 класса Наумова»³³. Таким образом, в Канзепельде к 1847 году появилась церковь, построенная «согласно правилам», однако унаследовавшая от прежней часовни как компактные размеры, так и подчинённый, «периферийный» по отношению к приходским церквям статус. Храм свв. Кирика и Улиты в Канзепельде Прилуцкого прихода явил пример внедрения в народную архитектуру губернского классицизма с характерным купольным завершением основного объёма.

В целом, характеризуя процесс переустройства часовен, необходимо отметить не только воздействие внешнего, «стилевого» фактора в народной архитектуре. Появление вместо часовен церквей, пусть не всегда приходских, но даже и приписных, знаменовало собой вовлечение местного населения в общецерковную жизнь, уменьшало воздействие раскольников, позиции которых были традиционно очень сильны на Севере, и снижало роль так называемого «народного православия».

* * *

По результатам проведённого исследования храмового строительства на нижней Онеге в XIX – начале XX века в качестве выводов можно сделать следующие заключения.

Церковное строительство подчинялось достаточно долгой бюрократической процедуре получения разрешения на строительство. Учитывая большие расстояния между сёлами и местными центрами и провинциальную инертность, это в определённой мере осложняло строительство.

Для деревянной архитектуры этого периода характерно соединение разностильных решений, взятых из образцовых проектов, и приёмов, идущих из традиционного деревянного зодчества. Полноценных воспроизведений образцовых проектов отмечено немного.

Проекты, выполненные профессиональными архитекторами или инженерами, правда, нередко на относительно невысоком уровне, реализовывались местными крестьянскими строителями, что допускало значительные отступления от первоначального замысла.

Надо сказать, что подобным образом можно охарактеризовать деревянное церковное строительство не только на нижней Онеге, но и во всех северорусских губерниях в XIX – начале XX века. С начала XIX века в архитектуре и строительстве произошли радикальные изменения, отделяющие эпоху традиционного деревянного зодчества от архитектурно-строительной практики Нового времени. Вместе

с тем традиционные деревянные конструкции и строительные приёмы устойчиво сохранялись и использовались до начала XX века включительно. Это соединение стилевого и народного определяло совершенно особенный колорит деревянной церковной архитектуры на заключительном этапе её развития.

Литература

1. Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. Вып. 2. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1953.
2. Макаров, Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья / Н.А. Макаров. – Архангельск : Правда Севера, 2007. – 431 с.
3. Богословский, М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т.1. / М.М. Богословский. – М., 1909.
4. Суслов, В.В. Путевые заметки о севере России и Норвегии / В.В. Суслов. – СПб : типография А.Ф. Маркса, 1888. – 75 с.
5. Памятники древнего русского зодчества / Сост. Акад. В.В. Суслов. Вып. I–VII. – СПб : Имп. Академия художеств, 1895–1901.
6. Грабарь, И.Э. Деревянное зодчество Русского Севера / И.Э. Грабарь // История русского искусства. Т. 1. – М. : Изд-во И. Кнебеля, 1910. – С. 331–508.
7. Забелло, С.Я. Русское деревянное зодчество / С.Я. Забелло, В.Н. Иванов, П.Н. Максимов. – М. : Государственное архитектурное издательство Академии архитектуры СССР, 1942. – 214 с.
8. Бодэ, А.Б. Деревянное зодчество Русского Севера. Архитектурная сокровищница Поонежья / А.Б. Бодэ. – М. : КомКнига, 2005. – 203 с.
9. Атлас нормальных чертежей сооружениям по ведомству министерства Государственных имуществ. – СПб, 1842.
10. Ковалевская, Т.С. Проявления традиции в архитектуре деревянных храмов Архангельской губернии в XIX веке // Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия. Вып. VII / Под ред. А.Б. Бодэ. – СПб : Коло, 2020. – С. 198–221.
11. Уткин, Н.Н. О формировании структуры деревянных приходских храмов и храмовых комплексов на Русском Севере / Н.Н. Уткин // Народное зодчество. Межвузовский сборник. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1998. – С. 87–97.
12. Уткин, Н.Н. Тёплые церкви Архангельского Севера (предварительный обзор) / Н.Н. Уткин // Памятники архитектуры Русского Севера : Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Д. Попова. – Архангельск : Изд-во Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносов, 1998. – 302 с. – С. 94–115.
13. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера / Ю.С. Ушаков. – Л. : Стройиздат. Ленинградское отделение, 1982. – 168 с.
14. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. III. – Архангельск, 1896.
15. Церкви сочинённые архитектором Его Императорского Величества профессором архитектуры Императорской академии художеств Константином Тоном. Дополнение I. – СПб, 1844.
16. Атлас сельских деревянных церквей. – СПб, 1858.

³³ ГААО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 241. О рассмотрении плана с фасадом на постройку церкви Онежского уезда Прилуцкого прихода в деревне Давыдовской. 1844–1845 гг. Л. 6–6 об.

Reference

1. S.V. Yushkov (ed.) Pamyatniki russkogo prava [Monuments of Russian law] Iss. 2. Moscow, State Publishing House of Legal Literature Publ., 1953.
2. Makarov N.A. Tserkovnye prikhody i monastyri Kenozer'ya i Srednego Poonezh'ya [Church parishes and monasteries of Kenozero and Middle Ponezhye]. Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ., 2007, 431 p.
3. Bogoslovskii M.M. Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v. T.1. [Zemsky self-government in the Russian North in the XVII century. Vol. 1]. Moscow, 1909.
4. Suslov V.V. Putevye zametki o severe Rossii i Norvegii [Travel notes on the north of Russia and Norway]. St. Petersburg, Typography of A.F. Marx Publ., 1888, 75 p.
5. Akad. V.V. Suslov (comp.). Pamyatniki drevnego russkogo zodchestva [Monuments of ancient Russian architecture], Iss. 1–7. St. Petersburg, Imp. Academy of Arts Publ., 1895–1901.
6. Grabar' I.E. Derevyannoe zodchestvo Russkogo Severa [Wooden architecture of the Russian North]. In *Istoriya russkogo iskusstva [History of Russian art]*, Vol. 1. Moscow, Publishing house of I. Knebel Publ., 1910, pp. 331–508.
7. Zabello S.Ya, Ivanov V.N., Maksimov P.N. Russkoe derevyannoe zodchestvo [Russian wooden architecture]. Moscow, State Architectural Publishing House of the Academy of Architecture of the USSR Publ., 1942, 214 p.
8. Bode A.B. Derevyannoe zodchestvo Russkogo Severa. Arkhitekturnaya sokrovishchnitsa Poonezh'ya [Wooden architecture of the Russian North. Architectural treasury of Ponezhye]. Moscow, KomKniga Publ., 2005, 203 p.
9. Atlas normal'nykh chertezhei sooruzheniyam po vedomstvu ministerstva Gosudarstvennykh imushchestv [Atlas of normal drawings of structures under the Ministry of State Property]. St. Petersburg, 1842.
10. Kovalevskaya T.S. Proyavleniya traditsii v arkhitekture derevyannykh khramov Arkhangel'skoi gubernii v XIX veke [Manifestations of tradition in the architecture of wooden temples of the Arkhangel'sk province in the 19th century]. In A.B. Bode (ed.) *Derevyannoe zodchestvo. Novye materialy i otkrytiya [Wooden architecture. New materials and discoveries]*. Iss. VII. St. Petersburg, Kolo Publ., 2020, pp. 198–221.
11. Utkin N.N. O formirovaniy struktury derevyannykh prikhodskikh khramov i khramovykh kompleksov na Russkom Severe [On the formation of the structure of wooden parish churches and temple complexes in the Russian North]. In *Narodnoe zodchestvo. Mezhvuzovskii sbornik [Folk Architecture. Interuniversity collection]*. Petrozavodsk, Publishing house of the Petrozavodsk state. univ. Publ., 1998, pp. 87–97.
12. Utkin N.N. Teplye tserkvi Arkhangel'skogo Severa (predvaritel'nyi obzor) [Warm churches of the Arkhangel'sk North (preliminary review)]. In L.D. Popova (comp. and holes ed.) Pamyatniki arkhitektury Russkogo Severa [Monuments of architecture of the Russian North], collection of articles. Arkhangel'sk, Publishing House of Pomor State University named after M.V. Lomonosov Publ., 1998, 302 p., pp. 94–115.
13. Ushakov Yu.S. Ansambl' v narodnom zodchestve Russkogo Severa [The ensemble in the folk architecture of the Russian North]. Leningrad, Stroizdat, Leningrad branch Publ., 1982, 168 p.
14. Kratkoe istoricheskoe opisaniye prikhodov i tserkvei Arkhangel'skoi eparkhii [A brief historical description of the parishes and churches of the Archangel diocese], Iss. III. Arkhangel'sk, 1896.
15. Tserkvi sochinennye arkhitektorom Ego Imperatorskogo Velichestva professorom arkhitektury Imperatorskoi akademii khudozhestv Konstantinom Tonom. Dopolnenie I [Churches composed by the architect of His Imperial Majesty, professor of architecture of the Imperial Academy of Arts Konstantin Ton. Supplement I]. St. Petersburg, 1844.
16. Atlas sel'skikh derevyannykh tserkvei [Atlas of rural wooden churches]. St. Petersburg, 1858.

Бодэ Андрей Борисович (Москва). Кандидат архитектуры, советник РААСН. Заведующий сектором «Деревянное зодчество» Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (111024, Москва, ул. Душинская, д. 9. НИИТИАГ), архитектор-реставратор. Эл. почта: bode-niitag@yandex.ru.

Ходаковский Евгений Валентинович (Санкт-Петербург). Кандидат искусствоведения. Заведующий кафедрой истории русского искусства ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. СПбГУ). Эл. почта: E.Khodakovsky@spbu.ru.

Bode Andrei B. (Moscow). Candidate of Architecture, Advisor of RAACS. Head of the Wooden Architecture Sector at the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (9 Dushinskaya st., Moscow, 111024. NIITIAG), branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (TsNIIP), architect and restorer of FSUE "Central Scientific Restoration Design Workshops". Email mail: bode-niitag@yandex.ru.

Khodakovsky Evgeny V. (St. Petersburg). Candidate of History of Arts. Head of the Department of the History of Russian Art at the St. Petersburg State University (7–9 Universitetskaya Emb., St Petersburg, 199034. SPbU). E-mail: E.Khodakovsky@spbu.ru.